

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
НАЧАЛО В №59 ОТ 29 ИЮЛЯ

Мы продолжаем публикацию воспоминаний Анастасии Клементьевны.

Анастасия Баландина

Я закончила семь классов на «5» с похвальной грамотой. Была председателем учкома, участницей организации школьных праздников, получила грамоту и книгу Александра Сергеевича Пушкина в подарок за исполнение рисунков с натуры.

Так как школа была семилетней, после её окончания в 1951 году я училась в средней школе № 1. В 2024-м исполнилось 70 лет нашему выпуску. В нашем классе 86-96-106 собрались ребята и девчонки с улицы Береговой, Старого строительства, посёлка Тимофеевка — более 30 человек. Выпуск был большой: шесть классов! Вот в это время и определилась моя будущая профессия учителя. Каждый день кто-либо просил рассказать то, что задано для изучения дома по разным предметам. Это мне удавалось, так как имела оценки «5» по всем предметам, кроме физики и математики. Я была главным редактором классной стенгазеты «Бокс» (боевой орган комсомольской сатиры). Вместе со мной сочиняли газету Катя Голоднова, Клава Плешивцева, Анна Заозёрнова. Газета выходила раз в неделю. Это была творческая работа. Мы в стихотворной форме критиковали нерадивых учащихся. Основой нашей сатиры были басни Крылова, сами находили сюжеты и новые формы. Размер газеты — лист ватмана. К Новому году были выказывания и поздравления в стихах. В этот творческий процесс были вовлечены большинство наших ребят. К сожалению, газета не сохранилась, так как её брали за образец.

Другое наше коллективное дело — это каток. Раз в неделю собиралось 10–15 человек, и, повесив коньки через плечо, шли на каток. Нас никто не организовывал, просто нам это очень нравилось. Было здорово! Энергии хватало на неделю. Среди моих подруг было ещё одно увлечение: выучить наизусть как можно больше строк из «Евгения Онегина» Александра Пушкина. Это было негласное соревнование: кто заучит больше. Позднее Пушкин позволял мне объяснять детям многие явления жизни России 19 века.

После окончания школы вопроса «куда поступать» не было! Конечно, в пединститут. В Челябинске в то время работали три института: политехнический, медицинский и педагогический. Мы закончили школу за десять лет, и в этом же году — первый выпуск одиннадцатилетнего среднего образования. Поэтому наплыв абитуриентов был невероятный. Конкурс в пединститут на факультет русского языка и литературы — 23 человека. Поэтому в Челябинске я не поступила.

1954 год. Педагогический коллектив школы № 6 | Фото из архива Елены Даванковой

ИСПОВЕДЬ О МАЛОЙ РОДИНЕ

Клава Плешивцева уговорила меня поехать в Кустанай, где у неё жила тётя. Когда мы приехали, приём заявлений в институт давно закончился. Но, посмотрев аттестаты, комиссия определила нас в группы, и мы начали сдавать экзамены. Успешно — на «четыре» и «пять». Вот так стали студентками литфака в учительском институте, где трёхгодичный срок обучения. Однако, во втором курсе институт преобразовали, обучение теперь длилось пять лет. Для нового по статусу института начали строить здание, а пока занимались в старом и в школах. В новое переехали на четвёртом курсе.

КАЗАХСТАН, КУСТАНАЙ, ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

В 1954 году началось освоение целины. В Кустанай по железной дороге везли технику, сюда ехали люди со всего Советского Союза. А город был не готов к такому нашествию. Кустанай расположен около реки Тобол в степной зоне. Улицы — прямые и широкие. Дома только на центральной улице двухэтажные, а на остальных — длинные землянки или деревянные дома с небольшими огородами. Никаких гостиниц. Поэтому каждый новый целинный совхоз арендовал у жителей дом, где во дворе собирались люди и техника.

Помню, как мы ехали с камикулом поездом. Вагоны были общими, до отказа заполнены молодыми людьми 18–19 лет с фанерными чемоданами. Спали сидя на лавках и чемоданах, вели разговоры, знакомились и утром расходились по своим «гостиним дворам», чтобы к вечеру на совхозной машине попасть в свою целинную станцию. Часто в городе

можно было увидеть целые караваны тракторов, машин, которые потом исчезали в степных просторах.

Осенью 1954 года целина дала удивительный урожай. Около элеватора стояли сотни грузовиков с зерном, которое не вмещалось в элеваторы. И его высыпали прямо на землю. Я могу сравнить это зрелище с отвалами Коркинского угольного разреза. Параллельно насыпаются высокие бурты зерна, только что привезённого с полей. Его надо было сушить, но не успевали. И вот нас, студентов, после утренних лекций направили на помощь. С 16 до 20–21 часа мы лопатами эти бурты большими совками, чтобы зерно не загорелось. Но не успевали, оно всё равно горело: сверху сухо, а в середине пшеница разогревалась и превращалась в белую золу. В ней-то мы и грели ноги. Так продолжалось до конца октября.

На втором курсе мы убирали зерно в каком-то совхозе, на третьем — участвовали в посевной: две недели стояли на подмостках сеялки и равномерно распределяли зерно, чтобы в поле после всходов не было плешин.

Пять лет обучения мы жили на трёх квартирах у пожилых хозяев. Спасибо им за доброту и заботу о нас. Еду мы готовили сами, но тётя Паша всегда берегла нам кипятка. А сварить незамысловатый суп можно было быстро. Поход в столовую для нас был праздником, его можно сравнить с походом в ресторан. Но от этой «ресторанной» еды болел желудок.

Одежда наша тоже была сверхскромной: те же тапочки на ногах, ситцевое или из штапельного платья, шитое самими. На втором курсе мама купила мне первое шерстяное платье

вишнёвого цвета. Я его очень берегла, так что в нём ещё сестра Люся форсила.

В Кустанае работал драмтеатр, в нём мы были пару раз на старших курсах. Зато не реже раза в неделю ходили в кинотеатр на вечерний сеанс. Киноаппаратура часто выходила из строя. Зал сидел в темноте. Этим всегда пользовались мы, поющие студенты. Наш литфак был победителем в институтских конкурсах хоров. Поэтому, когда потухал свет, повисала тишина. И в это время мы начинали петь украинские песни: «...Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю...» и другие. В зале становилось ещё тише. Песни звучали на два голоса.

Почему украинские? Северный Казахстан был интернациональным краем. Там жили немцы с Днепра и Волги, корейцы, эстонцы, чеченцы, татары, украинцы, белорусы, русские. Казах на курсе было всего три человека. И песни для зрителей были родные, народные. Телевидения мы в то время не знали. После окончания института пришли в гости к Вале Филипповой, она жила на окраине города, в посёлке Корейский. Там в деревянном доме жила её мама, вернувшаяся недавно из ссылки. На крыльце этого дома под звёздным небом ночевали и мы. Без песни не могли жить. У Вали был чудесный голос, а мы давно спелись. На следующий день нам сказали, что посёлок не спал, слушая наше пение.

А учёба шла своим чередом: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год». Окончила институт в 1959 году с отличием, одна на весь курс. Получила по распределению место учителя истории в средней школе посёлка Весёлый Подол.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МАРАФОН ДЛИННОЮ В 53 ГОДА

Что это за Весёлый Подол, представления не имела. И вот я в большом посёлке, напоминающем Старое и Новое строительство в раннем Коркино. Широкие и длинные улицы с домами-землянками и с другой стороны — несколько двухэтажных домов, ангар для авто и тракторов, баня, медпункт. Посередине — средняя школа, где обучалось до трёхсот человек.

Нас, молодых учителей-первогодок, пришло из разных концов СССР по распределению шестеро: математик, физик, историк, географ, учитель немецкого языка, литературы. Дети — русские, украинцы, казахи, немцы. Мне досталось классное руководство в пятом классе. Дети не избалованные, трудились вместе с родителями. Дисциплина хорошая. Жили все на квартирах. Мне повезло в том, что я попала в семью Марии Горкуши. У неё было двое детей, я оказалась третьей. Тётя Маша пекла хлеб для школьной столовой, варила вкусные борщи, а я учила её детей.

Как только закончился учебный год, мы все шестеро уехали на свою родину (в Беларусь, Алма-Ату, Коркино и так далее). Нас не увольняли, а только дали справку о том, что мы работали в Подольской школе, а сейчас находимся в очередном отпуске. Трудовую книжку мне выдали по моему запросу через год. Затем была работа в Белоносовской средней школе № 13 (в то время она относилась к Коркино), а в 1961 году я продолжила работу в качестве учителя русского языка и воспитателя в школе-интернате № 2 Коркино.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...